

Тан Шэнь вслед за Цзюйжэнем Тан и главой клана Тан вошел в храм предков. По обеим сторонам на почетных креслах плотными рядами сидели многочисленные дяди и старшие родственники семьи Тан. Цзюйжэнь Тан первым опустился на колени и произнес:

— Предки клана Тан взирают на нас свыше! Ныне Тан Шэнь, сын второй ветви нашей семьи, удостоился звания таньхуа на императорских экзаменах, прославив наш род. Для меня, как для его дяди, это величайшая радость. С обретением этого чудесного сына наш клан Тан непременно будет процветать на протяжении ста лет!

Глава клана Тан, встав перед рядами поминальных табличек предков, развернул родословную книгу и, найдя в ней имя Тан Шэня, начал зачитывать семейные правила.

В те времена успешно сдать экзамен на степень цзиньши означало принести великую славу своим предкам. А если кому-то удавалось стать чжуаньюанем, то уже на следующий день после оглашения результатов шестнадцать служителей несли перед ним почетную табличку чжуаньюаня, сопровождая новоиспеченного триумфатора в родные края для встречи с близкими. Это называлось «возвращением на родину по императорскому указу». Яо Шань, ставший чжуаньюанем в один год с Тан Шэнем, тоже совершил такой торжественный визит, однако его семья жила прямо в Шэнцзине, так что все празднества устроили на месте, не теряя времени на долгие разъезды.

Тан Шэнь удостоился звания таньхуа в прошлом году, но за прошедшие полтора года так ни разу и не навестил управу Гусу. Члены клана Тан изо дня в день ждали его, высматривая все глаза; они были готовы сами отправиться в Шэнцзин, чтобы лично спросить Тан Шэня, собирается ли он вообще наносить визит вежливости на родину.

И вот теперь, когда Тан Шэнь наконец вернулся, разве могли сородичи отнестись к этому событию небрежно?

Цзюйжэнь Тан взволнованно заговорил:

— Шэнь-эр, в нашем клане Тан ты единственный, кто удостоился звания таньхуа, и даже единственный, кто сдал экзамен на цзиньши! Ты — гордость нашей семьи, и твой дядя бесконечно благодарен тебе!

Тан Шэнь ответил:

— Мы ведь одна семья, к чему такие речи.

Глаза Цзюйжэня Тан покраснели от счастья. Ему хотелось сказать племяннику что-то еще, но перед новоиспеченным таньхуа и чиновником четвертого ранга он невольно заробел и не решился продолжать разговор.

Вечером в семье Тан начался праздничный пир, который продолжался без перерыва три дня и три ночи.

Жители всей управы Гусу стекались в дом семьи Тан, чтобы выразить свои поздравления. Приходили они не ради обильного угощения, а чтобы приобщиться к удаче и благословию таньхуа.

Гусу издавна славился выдающимися талантами, будучи благословенным краем, одаренным самой природой. И все же, несмотря на обилие одаренных людей, за всю эру Кайпин в управе Гусу появилось лишь пять цзиньши, и только один из них занял второе место на экзаменах,

став баньянем.

Когда нескончаемый трехдневный пир подошел к концу, у Тан Шэня наконец появилось время для отдыха. Однако на четвертый день после его возвращения, едва в доме Тан утихло празднование, с визитом пожаловал губернатор Гусу.

Нового губернатора Гусу звали господин Цзя, он сдал экзамен на цзиньши в 3-й год эры Кайпин. Не имея надежной опоры при дворе, губернатор Цзя больше двадцати лет после сдачи экзаменов довольствовался должностями уездных судей и начальников округов в глухих окраинах. Лишь разменяв шестой десяток, он получил от канцлера Чэня назначение в управу Гусу на должность губернатора. С тех пор все его невзгоды остались позади, и он мог спокойно доживать свои дни в этом богатом краю рек и озер.

Губернатор Цзя носил четвертый ранг, и Тан Шэнь тоже занимал должность четвертого ранга. Но значимость этого чина у Тан Шэня была несоизмеримо выше.

Местные чиновники не шли в сравнение со столичными, а рядовые столичные чины блекли перед теми, кто служил во Дворце Циньчжэн.

Тан Шэнь счел личный визит губернатора Цзя вполне естественным, принял его со всем почтением и устроил в его честь обед в гостинном павильоне. Губернатор Цзя вежливо поздравил хозяина и осторожно расспросил о последних событиях в Шэнцзине. Когда хмель уже начал действовать, губернатор Цзя произнес:

— Господин Тан, признаться, сегодня я пришел в ваше поместье не один.

Тан Шэнь поинтересовался:

— О, и кто же с вами?

Губернатор Цзя велел слугам сходить в управу и привести в Поместье Тан седовласого старика. Увидев вошедшего, Тан Шэнь опешил. Он внимательно взгляделся в его лицо и воскликнул:

— Дядя староста?!

Староста деревни Танцзя стоял в гостинном павильоне, чувствуя себя крайне неловко.

Весть о возвращении таньхуа Тан Шэня облетела всю управу Гусу, и жители деревни Танцзя, прослышав про трехдневные пиршества, стали подбивать старосту отправиться в город. И вовсе не для того, чтобы навязаться Тан Шэню в близкие друзья, а ради того, чтобы выпросить у него каллиграфическую надпись.

Тан Шэнь сказал:

— Дядя староста, мы не виделись пять лет, я вас едва узнал.

С этими словами Тан Шэнь поднялся, подошел к старику и бережно усадил его за стол.

Староста замахал руками:

— Что вы, нельзя так!

За этим столом сидели двое: сам губернатор управы Гусу и прославленный таньхуа Тан Шэнь. Разве смел простой староста находиться в их обществе? Но стоило ему попытаться встать, как

тонкая, но сильная рука мягко опустилась на его плечо, удерживая на месте. Староста обернулся и встретил теплую улыбку Тан Шэня.

Несмотря на его мягкую улыбку, от Тан Шэня исходило столь ощутимое величие государственного мужа, что перечить ему было невозможно.

Если Тан Шэнь с трудом узнал старосту, то и староста испытывал то же самое.

Кто бы мог подумать, что спустя пять лет тот самый юнец, который когда-то на окраине деревни Танцзя зарабатывал на жизнь продажей фруктового сока, превратится в такого человека!

Староста послушно сел. Тан Шэнь велел Фэнби принести еще один прибор.

Разговорившись, Тан Шэнь наконец понял цель визита старосты. Он и не знал, смеяться ему или плакать:

— Тогда это была всего лишь шутка А-Хуан, никак не думал, что все воспримут ее всерьез. На самом деле не стоило переименовывать поселение в деревню Танцзя, но раз уж дело сделано, пусть так и остается. Дядя староста, значит, вы хотите, чтобы я написал для вас три иероглифа «Деревня Танцзя»?

Староста кивнул.

Немного подумав, Тан Шэнь приказал Фэнби подготовить письменные принадлежности. Взяв большую кисть из волчьей шерсти, он размашисто начертил на рисовой бумаге три крупных иероглифа: «Деревня Танцзя».

Едва кисть оторвалась от бумаги, губернатор Цзя восхищенно воскликнул и захлопал в ладоши:

— Великолепно! Какая каллиграфия! Эти знаки полны величия и стойкости, подобно вековым соснам! Мазки струятся, словно драконы и змеи, дыша невероятной мощью!

Тан Шэнь потер ухо от столь откровенной лести, подумав про себя: «Уж слишком перехвалил, звучит неестественно. Надо же знать меру».

Губернатор Цзя изо всех сил старался угодить Тан Шэню, а староста совсем не разбирался в тонкостях каллиграфии. Услышав похвалы чиновника, он уверовал, что письмо Тан Шэня — истинный шедевр, сошедший с небес. Почерк таньхуа и впрямь отличался от письма простых грамотеев. Староста решил: когда он принесет свиток в деревню Танцзя и мастера перенесут надпись на каменную стелу у въезда, он припрячет этот лист бумаги и сделает его семейной реликвией, чтобы передать сыну!

Узнав о приезде старосты, Тан Хуан тоже вышла из внутренних покоев, чтобы поприветствовать старика и расспросить о деревенских новостях.

В подобных хлопотах пролетели четыре дня, и лишь на пятый Тан Шэнь наконец смог перевести дух.

Однако отдых продлился всего два дня — наступил Новый год.

В канун Нового года брат с сестрой отправились в гости к Цзюйжэню Тан, чтобы встретить праздник вместе. Сам Цзюйжэнь Тан и его старший сын Тан Юнь держались с Тан Шэнем

робко, не осмеливаясь разговаривать с ним так же непринужденно, как раньше. Лишь Госпожа Тан по-прежнему относилась к нему как к родному племяннику. Положив Тан Шэню и Тан Хуан по кусочку рыбы, она с улыбкой произнесла:

— Пусть каждый год приносит вам достаток.

У семьи Тан в управе Гусу было множество родственников, но Тан Шэню не пришлось самому наносить им визиты. На второй день Нового года они сами один за другим потянулись в Поместье Тан, чтобы выразить почтение.

Проводя очередную череду гостей, Тан Шэнь вернулся в кабинет и принялся за каллиграфию.

Еще в Шэнцзине Тан Хуан просила брата написать для нее прописи. Но Тан Шэнь каждый день уходил на службу во Дворец Циньчжэн, а дома допоздна возился со стеклом, так что времени на каллиграфию у него совсем не оставалось. Теперь же, когда стекло было успешно создано, а сам он находился в отпуске на родине, у него наконец появилась возможность составить для сестры хорошие прописи, чтобы та упражнялась в письме.

Тан Шэнь аккуратно вывел на рисовой бумаге: «Небо — темное, земля — желтая; вселенная дика и безбрежна. Солнце всходит и заходит, луна прибывает и убывает; созвездия сияют на своих местах...»

Закончив переписывать всё «Тысячесловие», Тан Шэнь долго вглядывался в написанные строки. Наконец он тихо проговорил:

— Полны величия и стойкости, мазки струятся, словно драконы и змеи... Как по мне, в этих иероглифах виден лишь почерк Ван Цзыфэна, но в них нет его духа.

Когда Тан Шэнь только начинал учиться письму, он следовал почерку Господина Ляна, который приоткрыл ему двери в мир каллиграфии. В те времена его собственный стиль еще не сложился, и Ван Цзыфэн подарил ему прописи Чжун Тайшэна, чтобы помочь освоить правильное написание черт. Но когда пришло время вкладывать в знаки живую душу, он стал подражать манере Ван Цзыфэна.

В этом мире порой случается, что ученики превосходят своих учителей, но в каллиграфии талант Тан Шэня и впрямь уступал дарованию Ван Чжэня. Да и во всей Великой Сун едва ли нашлось бы много людей, способных сравниться с Ван Цзыфэном из рода Ван в Ланъя!

Этот человек был подобен гению, рождающемуся раз в тысячелетие: в игре на цине, вэйци, каллиграфии и живописи — во всем он достиг совершенства.

За оградой усадьбы соседи принялись взрывать хлопушки. Под их непрекращающийся треск Тан Шэнь поймал себя на том, что вдруг заскучал по Ван Чжэню.

Что сейчас делает Ван Чжэнь?

Мысли унесли его далеко. Опомнившись через некоторое время, Тан Шэнь про себя подивился: с чего это он вдруг принялся грезить о Ван Цзыфэне? Он тряхнул головой, отгоняя столь странные думы, и пошел в спальню.

Новогодние праздники у придворных чиновников длились больше двадцати дней и заканчивались лишь восемнадцатого числа первого лунного месяца.

Тан Шэнь намеревался выехать обратно в Шэнцзин десятого числа.

<http://bllate.org/book/18292/1754558>